

Примечания

- ¹ *Маројевић Р.* Антропонимске категорије у староруском језику (Прилог питању реконструкције прасловенског антропонимског система) // Ономатолошки прилози. Књ. IV. Београд, 1983, 137.
- ² *Он же.* Посесивне изведенице у староруском језику: Антропонимски систем. Топонимија. “Слово о полку Игореве”. Београд, 1986, 7.
- ³ *Он же.* Словенски антропоними // Ономатолошки прилози. Књ. V. Београд, 1984, 183–184.
- ⁴ *Трубачев О.Н.* Праславянская ономастика в Этимологическом словаре славянских языков, выпуски 1–13 // Сборник Шесте југословенске ономастичке конференције (Доњи Милановац, 9–12. октобар 1985). Београд, 1987, 14–15.
- ⁵ *Маројевић Р.* Дискусија // Сборник Шесте југословенске ономастичке конференције (Доњи Милановац, 9–12. октобар 1985). Београд, 1987, 81.
- ⁶ *Он же.* Антропонимске категорије..., 138; *Он же.* Посесивне изведенице..., 8.
- ⁷ *Он же.* Дискусија, 81.
- ⁸ *Он же.* Прасловенска имена по мужу, њихови трагови и судбина у српско-хрватском језику // Књижевност и језик, 1982, № 3–4, 231–234.
- ⁹ *Мароевич Р.* Оппозиция определенных и неопределенных форм притяжательных прилагательных (К вопросу о природе имен типа *Vbsevoložaja* в древнерусском языке) // ВЯ, 1981, № 5, 106–118. Ср. также: *Маројевић Р.* Антропонимске категорије..., 140–154; *Он же.* Посесивне изведенице..., 10–32.
- ¹⁰ *Маројевић Р.* Имена по мужу у староукрајинском језику // Ономатолошки прилози. Књ. VII. Београд, 1986, 125–139.
- ¹¹ *Он же.* Имена по мужу у старославенском језику // Сборник Матице српске за филологију и лингвистику. Књ. XL/2. Нови Сад, 1997, 181–186.
- ¹² *Он же.* Словенски антропоними, 184.
- ¹³ *Он же.* Патроними в системе категорий принадлежности древнерусского языка // ОЛА 1988–1990. М., 1993, 103–111. Интересно, что эта статья была написана еще в 1981 г., но по стечению обстоятельств вышла из печати только через двенадцать лет; сербский вариант был написан позднее, но опубликован намного раньше (*Маројевић Р.* Антропонимске категорије..., 154–164; *Он же.* Посесивне изведенице..., 32–56).
- ¹⁴ *Он же.* Посесивне изведенице..., 32.

В.В. Мартынов

СЛАВЯНСКИЕ АНАГРАММЫ

Рассмотренные в статье реконструированные формы соответствуют имени двух главных славянских божеств: Перуна и Волоса (Велеса). Остальные славянские боги, как мы уже старались доказать в ряде исследований, иранского происхождения. В пользу этого были приведены многочисленные доводы, которые мы здесь не будем повторять¹. Задача этой статьи заключается в том, чтобы истолковать выделенные примеры с точки зрения их анаграмматической структуры², что позволяет также уточнить реконструкцию третьей анаграммы.

1. *Volosъ – Solov-*

Строго обратной анаграммой по отношению к *Волос* является **Солов-*. В литературе вопроса **Солов-* связывается с мифологическим персонажем *Соловей-разбойник*. Как уже отмечалось³, в сказании о Мамаевом побоище в перечне богов *Волос* с очевидностью заменен *Соловатом* (*Салав-Солов-ат-ом*). К этим соображениям можно добавить предложенную нами новую этимологию праслав. *solъ*⁴ (болг. *славей*, серб. *славуж*, словен. *slavъc*, др.-рус. *соловиш*, польск. *stowik*, чеш. *slavík* и др.), которому соответствует др.-прус. *salowis* то же. На основании прусской формы название соловья могло быть реконструировано как **solъ*, которое при помощи вторичной сингулятивной суффиксации получило отмеченное выше разнообразие форм. Обычно принятое сравнение рус. *соловей* с *соловой* ‘желтовато-серый’ ошибочно. Во-первых, *соловей* в таком случае назван не по своей главной характерной черте (ср. нем. *Nachtigall* ‘соловей’ = ночной певец), лат. *luscinia* ‘соловей’ от *canere* ‘петь’, др.-греч. ἀρδών ‘соловей’ от ἀείδειν ‘петь’ и др. Во-вторых, рус. *соловой* распространено только в границах русских диалектов, поэтому столь древние лексемы, как *solъ*, не могут быть произведены от него. В-третьих, само русское *соловой* скорее всего образовано от *солов-*, ср. *вороний* от *ворон*, *голубой* от *голубь*. Мы соотносим **solъ* с праслав. *slava* ‘слава’, др.-инд. *śrāváyati* ‘возвещает’, перс. *sarāyidan* ‘петь’, т.е. *solъ* первоначально ‘поющий славу’. Тогда *solъ* ~ *slava*, как *полотно* ~ *плат*. В “Слове о полку Игореве” автор обращается к Бояну следующим образом: “О Бояне *соловию* старого времени! Абы ты плъки ущекотал, скача *славю* по мыслену древу, летая умом под облакы, свивая *славы* оба полы сего времени”. Контекст явно указывает на значение ‘петь славу’. К тому же сам Боян определяется в “Слове” как “Велесов внук”. Таким образом, Велес (Волос) связывается с *соловым* многими семантическими узами, что закономерно подкрепляется анаграммой *volos – solov-*.

2. *Perkъ – kreпъ*

В отличие от *Велеса* (*Волоса*), Перун в “Слове” не называется собственным именем, но именуется Громом (с.-хорв. *гр̑м*, болг. *гр̑м* ‘дуб и гром’) или Богом, что, возможно, объясняется тем, что Перун был “богом своим” (богом киевской дружины). Форма *Перун*, соотносимая с лит. *Perkúnas*, возникла по аналогии с *прать*, *перу* ‘бить’, поэтому допустима реконструкция праслав. **Perkunъ*. Для этого существуют следующие основания: уже высказывалась точка зрения, что праслав. *dqbъ* ‘дуб’ – инновация, независимо от своего происхождения (ЭССЯ, 5, 96). Для праславянского восстанавливается более древняя форма со значением ‘дуб’ – **perkъ* (ср. лат. *quercus* то же). С Перуном, как известно, связывается культ дуба. Но самое важное в том, что **perkъ*, как и **volъ*, образует анаграмму: **perkъ* ~ **kreпъ*. Последняя форма **kreпъ* > *krěpъ* характеризуется вторичным экспрессивным удлинением вокализ-

ма, как в случае **slabъ*, **malъ* и др.⁵ Следовательно, фонетически мы имеем дело с праслав. *krępъ* ‘духовная сила’, *krępъкъ* ‘твердый, сильный, всемогущий’ (о Боге): “Глас крѣпкого падет с ѱбсе...” (СЛРЯ XI–XVII вв., 31), с.-хорв. *krępōst* ‘бог, громовник’ (RJA V, 518), ср. текст молитвы “Трисвятое” с ее известной сакральной формулой “Святыи Боже, Святыи Крепкий, Святыи Бессмертный, помилуй нас”.

Существует мнение о том, что праслав. *krępъ*, *krępъкъ* – результат контаминации двух (Machek 241) разных по происхождению индоевропейских лексем со значением ‘быстрый, проворный’, соответствующей др.-греч. *κραίνος*, и ‘обладающий волшебной силой’, соответствующей др.-исл. *krapti*, *kræfr*. При этом праслав. *krępъ* принял форму, соответствующую древнегреческой параллели, а значение – германской. Старое сравнение с валл. *craff* ‘сильный’ сейчас решительно отвергается⁶. Концепция контаминации не кажется убедительной. Она согласуется с первичностью краткого корневого вокализма, но предполагает инфильтрацию германизма в праславянский при ином словообразовании первого из них. Однако, в любом случае для праславянского остается *krępъ* (< **krępъ*) ‘бог, громовник’ (т.е. Перун), как строго обратная анаграмма к *Perкъ* (> **Perkunъ* ~ лит. *Perkūnas*).

Приведенная выше молитва “Святыи Боже, Святыи Крепкий...” соответствует известной клятве русских воинов 971 г. при заключении договора с Византией: ... “имеем клятву от Бога, в не же веруем в Перуна”. Вероятно, это сходство отражает период двоеверия на Руси. Вспомним, что в “Слове” при наличии прямого упоминания о Велесе имя Перуна, своего бога-громовника скрыто в тексте: “Быти Грому великому, итти дождю стрѣлами с Дону великого”.

В фольклорных текстах, как известно, Гром часто выступает как синоним Перуна.

Первичное славянское название дуба **perкъ* отражает его сакральную и физическую мощь. Подобная связь значений характерна и для других аналогичных названий. Сравним праслав. *srъ-dorvъ* ‘сильный, крепкий, здоровый’ < -*dorvъ* ‘твердое дерево, дуб’ (др.-греч. *δρῦς* ‘дуб’, кимр. *derwen* то же), лат. *robur* ‘дуб, крепость, сила’, *robustus* ‘дубовый, крепкий, твердый, мощный’.

3. *Jagъ–gajъ*

В отличие от первых двух третья славянская анаграмма не связана прямым образом с именем божества, хотя имеет значение ‘жизненная сила’. Не исключено, что соответствующий теоним может быть выявлен и реконструирован на основе праслав. *jagъ*⁷ (ср. лит. *jėgà* ‘сила, крепость’, др.-греч. *ἰβη* ‘юность, юношеская сила’, рус. *яглый* ‘плодородный’, *яглы* ‘просо’, *геглый* ‘здоровый, крепкий, сильный’, *як* то же, с.-хорв. *jākost* ‘крепость, сила, мощь’, сюда же др.-греч. *ἰβάω* ‘нахожусь в расцвете сил, пышно расту’).

Легко заметить семантическое сходство перечисленных лексем с выше упомянутым *kreþь* ‘крепкий, сильный’, которое одновременно имеет значение ‘бог, гром’ (= Перун).

Вторая часть анаграммы *gajь* ‘(священная?) роща, разведение, откармливание’ и ее производная *gajiti* ‘откармливать, выращивать, обрабатывать землю’ имеет общие семантические компоненты с первой – ‘плодородие, пышный рост, просо’ (ЭССЯ, 6, 85–86, 195–198). Обращаем внимание на то, что *proco* – древнейший злак, выращенный на славянской почве. Все это свидетельствует о вероятности рассмотрения *gajiti* (< *gajь*) как каузатива к *žiti* ‘жить’. Сравним *živa* ‘женское божество у полабян, воплощение жизненной силы’.

Через др.-греч. ἡβᾶω, ἡβη приходим к имени древнегреческой богини юности Гебы (Ἥβη). Кроме того, можно обнаружить соответствия и в других индоевропейских языках. Сравним др.-иран. *yazata* ‘божество’ (< *yaz* ‘приносить жертву’, др.-инд. *yajata* ‘достойный поклонения’ (Maurohofer 18, 3–4), осет. *zaed*, *izaed* ‘божество’ и другие восходящие к **yag* (праслав. *jagъ*) (Абаев IV, 290–291).

Менее надежно др.-греч. ἅγιος ‘святой’, хотя родство с предшествующей лексикой остается в рамках дискуссии, учитывая архаический синкретизм, сводимый к представлению о жизненной силе¹² (Frisk I, 10).

Рассмотренные нами строго обратные анаграммы утверждают происхождение трех важнейших сфер жизни: *perkъ* – *kreþь* – военное могущество, связанное с культом Перуна, *volsъ* – *solvъ* – колдовское могущество, связанное с культом Велеса и поэзией Бояна, *jagъ* – *gajь* – животворящая сила земли, земледелие с культом растений. Направленность третьей анаграммы хорошо обнаруживается на основе второго значения праслав. *jagъ* (*jagъkъ*) ‘плодородный’ > *jagъlъ* ‘зерно проса’ > *jagъly* ‘просо’. Название *proco* возникло позже и частично вытеснило первичное название.

Подводя итоги по анализу третьей анаграммы, обращаем внимание на гипотетическую привязку персонажей божественного происхождения к обоим ее частям:

jagъ ~ Геба – древнегреческая богиня юности;

gajь ~ Жива – полабская богиня жизненной силы.

Надежность второй реконструкции, осуществленной на основе уникальных и мало надежных источников, целиком зависит от первой реконструкции, не вызывающей сомнений.

Примечания

¹ Мартынов В.В. Сакральный мир “Слова о полку Игореве” // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры. Москва, 1989, 61–79; Он же. Этногенез славян. Мова і міф, Мінск, 1993, 1–22; Он же. Святогор – былинная ипостась Перуна // Philologia Slavica. К 70-летию академика Н.И. Толстого. М., 1993, 91–102; Он же. Słowiańsko-nieszłowiańskie kontakty językowe w okresie Pałstowiańszczyzny, Warszawa, 1992, 7–13;

- Он же. Проблемы происхождения славянской теонимии (опыт верификации) // Świątowitz. T. XL. Warszawa, 1995, 185–190.
- ² Де Соссюр Ф. Анаграммы // Труды по языкознанию. М., 1977. Там же литература вопроса.
- ³ Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, 166; Он же. Соловей-разбойник // Мифы народов мира. 1988, 460.
- ⁴ Мартынов В. В. Праславянский язык и его место в западно-балтийском диалектном континууме. Минск, 1988, 16–17.
- ⁵ Machek V. Expressive Vokaldehnungen in einigen slavischen Nomina // ZfSl, 1, 1956, 35–36.
- ⁶ Хэмн Э. П. Заметки по поводу этимологического словаря славянских языков // Этимология, 1986–1987. М., 1989, 84.
- ⁷ Мартынов В. В. Балто-славянские этимологии // Acta Baltico-Slavica XVI, 1984, 179–181.

А. К. Матвеев

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. XII*

1. Чёлмохта

Река Чёлмохта – правый приток Северной Двины в Холмогорском районе Архангельской области. Этимологию топоосновы чёлм- находим у Фасмера, который сопоставляет эту основу с саам. норв. *šoalbmte*, *šoalme* ‘пролив’¹. Основа широко распространена на Русском Севере. Фасмер приводит названия *Челмус* (озеро) и *Челмозеро* (дважды), объясняя таким же образом². Фактически их больше: в картотеке Севернорусской топонимической экспедиции (СТЭ) засвидетельствованы пять *Чёлмозеро*, *Чёлмасозеро*, остров *Чёлмаличма* и др.

В этимологии Фасмера сомневаться не приходится, тем более что озера с этими названиями, как правило, имеют стоки или проливы, а *Чёлмохта* протекает через большое *Верхнечелмохотское* озеро. Проблему, однако, создает топоформант *-охта*. Фасмер пишет, что этот формант неясен и что он, во всяком случае, не связан с фин. *otsa* ‘конец’³. Последнее бесспорно. Но главное, что в гидронимии Русского Севера формант *Vхта* встречается очень редко, нигде не образуя скольконибудь заметных скоплений. Единичен в своем микрорегионе и гидроним *Чёлмохта*. Неудивительно, что он представляет большой интерес как с этимологической, так и с ареальной точки зрения.

В то же время в Волго-Окском междуречье и Костромском крае названия на *Vхта* обыкновенны: *Воехта*, *Ирехта*, *Колохта*, *Молохта*,

* Предшествующие статьи этой серии см. в ж. “Советское финно-угроведение”: 1969 (№ 4), 1970 (№ 2), 1972 (№ 3), 1973 (№ 1, 4), 1974 (№ 4), 1975 (№ 1), 1976 (№ 3, 4), 1977 (№ 3), 1978 (№ 1).